

РОЖДЕНИЕ ЗНАНИЯ ИЗ ДУХА РАБСТВА

UDC 159.922:326

Дмитрий Ольшанский

Санкт-Петербург, Россия

Резюме. Маркса показал воображаемый характер всякой диалектики, поэтому благодаря раздиалектизации их отношений оказывается возможным движение истории. "Знание реальности", как говорит Кожев, находится на стороне раба и выводит его из бинарности властвования и подчинения, позволяя занять место по ту сторону всякой идеологии и диалектики, и совершить выбор невозможного. Именно влечение к невозможному, к неизвестному позволяет рабу подорвать идеологический гомеостаз общества. Борьба с отчуждением – это борьба с легализованным автоматизмом повторения, порядком производства и его памятью, борьба, инвестирующая функцию Другого, который – подобно аналитику – возвернул был ранее благоутраченный и забытый объект (объект протезированный самой утратой) внутрь душевного мира человека. Желание раба функционирует одновременно в двух регистрах: символическом и воображаемом: с одной стороны, он также вписан в структуру социального мира, но в то же время, раб всегда сбивается с социального ритма, не попадает в её логику *pro et contra*, отрекаясь одновременно ото всех возможностей быть левым или правым, быть "за" или "против", раб оказывается не только вне партийности, но и в вне политической рациональности вообще. Целью, которую преследует всякое знание – это рассеивание субъекта, сообщение ему неожиданной для него конечность, устранение центростремительной силы собственного Я в некоем диффузном поле, в котором мог бы сгуститься некий новый психопорядок..

Ключевые слова: знание, желание, воображаемое, Лакан, Фрейд, Маркс.

THE BIRTH OF KNOWLEDGE FROM THE SPIRIT OF SLAVERY

Abstract. Marx's merit consists in demonstration of imaginary essence of any dialectics. For instance, master-slave relations do not explained by dyadic model, and there is no equality between them, because slave has the knowledge of his dependence and he has, according to Marx, "a theoretical realization of his loss" or "knowledge of reality" in Kojève, which assists to change the reality. That knowledge destroys a dialectical balance between master and slave.

Key words: knowledge, desire, imaginary, Lacan, Freud, Marx.

Каждый сумасшедший создаёт себе приданое,
чтобы венчаться с неизведанным.

Артур Биспо до Росарио

Заслуга Маркса состоит в том, что он показал воображаемый характер всякой диалектики. В частности, отношения господина и раба не представляют собой диадного взаимодействия, между ними изначально нет равенства, поскольку на стороне одного находится знание своей несвободы, "теоретическое сознание потери", а значит, и желание созидать новую реальность, тогда как другой упивается властью и даже не подозревает о мнимом характере собственной власти; господин вообще не нуждается в желании. Диалектика перестаёт работать именно потому, что раб оказывается более осведомлён, чем его господин, поскольку именно "знание реальности", как выражается Кожев, выводит его из бинарности властвования и подчинения, позволяет занять место по ту сторону всякой идеологии и любого господского требования, место внешнее по отношению к самой диалектике, и совершить выбор не предполагаемый ни одной из возможностей. Именно влечение к невозможному, к неизвестному позволяет рабу подорвать идеологический гомеостаз общества, а равно и пустить под откос систему производства с её накатанным трафиком циркуляции удовольствия, информации и блага. Коль скоро пролетариат порождён в обществе удовольствия и вписан в него как субъект от этого удовольствия отстранённый.¹ Поэтому его знание всегда опирается на влечение, лежащее в иной плоскости по отношению к власти, к текущей исторической ситуации, по ту сторону удовольствия, точки опоры этого знания находятся в слепой области разума, чувства или интуиции, поэтому речь может идти лишь о знании условном.

Дискурс знания произрастает из несовпадения, зазора между властью и смыслом, между жизнью и смертью: знания всегда производится больше, чем механизмов его утилизации, управления им и распределения; знание создаёт себя помимо институтов власти и множится вопреки всякой необходимости. Мы слишком много знаем. Слишком много, чтобы жить только в одной реальности, разделять одну историю и одно тело.

Именно благодаря этому несовпадению, раздиалектизации отношений – власть никогда не покрывает знания целиком – и оказывается возможным движение истории: буржуазия одерживает верх над феодализмом, пролетариат должен победить буржуазию, – именно потому, что в арсенале рабов всякий раз находится нечто принципиально новое, над чем господский дискурс оказывается не властен, нечто позволяющее занять остранённую позицию, то неожиданное знание, не вписывающееся в господствующую рациональность, не адекватное для прежней реальности.² Вызов, который раб бросает господину состоит вовсе не в претензии на его царский престол, а в желании подорвать саму структуру мира, упорядочить реальность совершенно в иной последовательности, утвердить иную логику, разметить

¹ McGowan T. *Psychoanalysis After Marx* // McGowan T. *The End of Dissatisfaction? Jacques Lacan and the Emerging Society of Enjoyment*. N.Y.: SUNY Press, 2004. – P. 2;

² Подробнее см.: Ольшанский Д.А. *Проблемы трактовки учения К. Маркса в современной философии* // Вопросы марксистской философии. № 1, 2002. – С. 74 – 95;

мир в соответствии со своей картой бытия. Поэтому и целью философии, для Маркса, является не просто объяснить или уточнить реальность с новых, передовых позиций, а создать новую реальность, ничего общего не имеющей с прежним миром. Ту реальность, в которой перестаёт работать не только прежняя схема властвования и подчинения, но сама система различий обнаруживает совершенно иные правила Fort/Da. Целью раба, стало быть, является не захватить реальность, а отформатировать её, создав при этом новый символический порядок, иные полюса и силы внутри этого мира. Поэтому отношения господина и раба представляют собой борьбу не на жизнь, а на смерть: это борьба не за власть, и не за место доминирования, а борьба за реальность.

Господин и раб ведут борьбу не за жизнь, а за последнее слово – борьбу за смысл. За смысл, которые противоположен ценности, "заявляет о себе по контрасту" и "представляет собой другую сторону языка, другой регистр его",³ за тот смысл, что представляет собой аннигиляцию всех ценностей, аннулирование эстетики, и вызывает, скорее к распарыванию логики бытия, се-парации диалектики, распарыванию её бинарной текстуры, чем к простому выворачиванию социального полотна на левую сторону. Пролетарий ведёт борьбу не за жизнь, а за смерть, за тот конечный момент сборки смысла, который обозначает выход из диалектики борьбы, превращая совокупность событий в отрезок истории, и, расставляя пунктуацию, наделяет эту историю значением. Смысл при этом оказывается больше жизни, он внеположен ей, следует за ней *post factum*, поэтому и вопрос о смысле жизни не может быть задан в продолжительности самой жизни, поскольку смысл всецело принадлежит смерти. Поэтому никакой господин не может владеть смыслом, скорее наоборот, некто занимает положение субъекта господствующего лишь в той мере и в силу тех обстоятельств, что сам он подлежит (*sub-ject*) политическому дискурсу, тому формату властвования, который создаёт ячейки господина и раба, устанавливает правила и ритм обмена между ними. Поэтому и буржуа и пролетарий "одинаково представляю собой человеческое самоотчуждение", они оба подлежат социальному порядку, "в равной мере подвергнуты закону кастрации и ограничению наслаждения"⁴, и являются буквами одного алфавита, как выражается один герой Хичкока. Иными словами, субъектом власти является тот, в ком сказывается расстановка сил, топика означающих, которую Фрейд называл сексуальностью, тот, кто вписан в тот или иной режим циркуляции благ, социально-энергетическую формацию истории.

Как раб, так и господин являются субъектами некоего автоматического режима, который не предусматривает взаимности, они действуют в мизансцене сил, векторы которых разнонаправлены, тех отношений, которые выходят за пределы диалектики, коль скоро отчуждение вообще не предполагает существование другого, как говорит Лакан. "Отчуждение состоит лишь в факте непризнания своего труда в той или иной вещи, соглашаясь при этом с тем, что мой труд может вернуться ко мне, при условии оплаты её стоимости. Что не объясняется никакой прямой диалекти-

³ Лакан Ж. *Семинары. Книга 5: Образование бессознательного (1957/58)*. М.: Гнозис / Логос, 2002. – С. 93;

⁴ Ricard H. *De la plus-value au plus-de-jouir // Livre compagnon de L'envers de la psychanalyse. Séminaire 1969-1970 de Jacques Lacan*. Paris: A.L.I., 2007. – P. 47;

кой, но предполагает разные варианты игр внутри цепи обмена".⁵ Проблема отчуждения состоит не в том, что оно обязательно осуществляется в пользу другого и в ущерб самому себе, но в том, что, будучи актом непризнания, то есть юридическим по своему статусу, отчуждение всегда актуализирует некий закон, работающий автоматически, а потому хоронящий свои основания от толкования. С другой стороны, отчуждение для Фрейда является необходимым условием для становления, поскольку именно оно очерчивает границы субъекта, вынося протезобъект за пределы реального мира и одновременно делая его желанным. Во-вторых, является условием для формирования переноса, а значит приобретения знания, поскольку всякое знание – это результат отношения к другому.

Поэтому борьба с отчуждением – это борьба с легализованным автоматизмом повторения, порядком производства и его памятью, борьба, инвестирующая функцию Другого, который – подобно аналитику – возвернул был ранее благоутраченный и забытый объект (объект протезированный самой утратой) внутрь душевного мира человека. Другого якобы-знающего, который задал бы вопрос и о правилах обмена, как аксиоме социального порядка (которая хоть и не имеет доказательств, но нуждается в толковании), и о системе памяти, которая с такой лёгкостью вытесняет все означающие, относящиеся к комплексу производства, таким образом, чтобы сделать ситуацию неузнавания своей истории наиболее продуктивным моментом перемонтирования субъекта. Быть может, в вопросе о производстве субъекта Маркс наиболее близко подходит к вопросу о происхождении субъекта, вопросу Эдипа, поэтому и борьбу с производственным отчуждением он понимает как реконструкцию истории, восполнение памяти рода человеческого. И возлагает большие надежды на пролетариат, который, по его мнению, способен разомкнуть нарциссическую взаимность господина и раба (поскольку его "собственного я" уже почти не существует: оно презренно, раздавлено и попрано реальностью), а значит, он должен сконструировать новую реальность.

Поэтому желание раба выдаёт в нём субъекта, бросающего вызов не просто воображаемой власти господина, а самому режиму, кодировке, логике, фаллическому означающему, которое опосредует всякий дискурс и делает возможным любое сообщение,⁶ то есть самому языку как системе различения, производства и распределения, режиссирующей социально-экономическую формацию. Желание раба функционирует одновременно в двух регистрах: символическом и воображаемом, на связь между которыми указывает Джеймсон.⁷ С одной стороны, он также вписан в структуру социального мира, но в то же время, раб всегда сбивается с социального ритма, не попадает в её логику *pro et contra*, отрекаясь одновременно ото всех возможностей быть левым или правым, быть "за" или "против", раб оказывается не только вне партийности, но и в вне политической рациональности вообще, на что указывал ещё Платон. Его цель в том, чтобы не занимать никакого места в поле воображаемых отношений, лишь это упразднение собственного я, о котором говорит Маркс, и позволяет ему стать субъектом знания, ведь всё, что

⁵ Lacan J. *Le Séminaire, Livre XIV: La logique du fantasme (1966-1967)*. Paris: A.L.I., 2007. – p. 115;

⁶ Лакан Ж. *Семинары. Книга 5: Образование бессознательного (1957/58)*. М.: Гнозис / Логос, 2002. – С. 117;

⁷ Jameson F. *Imaginary and Symbolic in Lacan: Marxism, Psychoanalytic Criticism, and the Problem of the Subject* // *Yale French studies*. New Haven, 1977. No 55/56. – P. 361;

можно знать, всегда центробежно по отношению к оси субъекта. Раб не является субъектом политики, истории или значения, но в равной мере, он и не становится их объектом. Всё, что делает пролетариат bestолково, непоследовательно и спонтанно – говорит Маркс. Все его действия не имеют видимой цели с точки зрения здравого смысла, современной реальности, не укладываются в голову политического сознания, но они бросают вызов самому сознанию, самой топике политического, создающей рабочие места для господина и раба, самой экономике как системе ценностей и динамике как механизму их циркуляции внутри общества. Но именно этот ломанный подростковый дискурс пролетариата наиболее адекватно свидетельствует о его позиции, позиции становления, коль скоро знание – это всегда становление знания. Это гегелевская логика важна в равной мере и для Маркса и для Фрейда, поскольку обретение знания для них связано выходом из диалектики, с революционированием диадных отношений. Поэтому позиция раба как субъекта якобы-знающего всегда радикальна, она не просто революционна с тех или иных точек политического видения, а сотрясает саму поверхность политики, само её зрение и мир ею созданный. Радикальность субъекта состоит не в том, чтобы следовать той или иной лезущей на рожон политической идеологии, а в том, чтобы сохранять внешнюю позицию по отношению к любой из них, иметь "свою собственную дистанцию по отношению к большому Другому".⁸

Поиск знания раба обращён к трансценденции, к тем силам, что лежат за пределами видимого и сознаваемого мира, его знание духовно в самом своём основании, а потому изначально сомнительно. По этой причине Деррида говорит, что пролетарий всегда взывает к призракам, которые имеют знание, но не имеют его доказательств, они посылают сообщение, код которого потерян, вместо модальности истины или лжи в сообщении задействует регистр желания субъекта: либо ты хочешь узнать, либо нет. Ведь призрак, вопреки корреспондентной теории, доказывает, что истина соответствует не реальности, а желанию, она оказывается куда более действительной, более действенной и более объективной, чем сама реальность. Впрочем, и эффекты бессознательного, сонма представлений, следов, отголосков и образов, намного более очевидны, чем субстанциальное существование самого бессознательного: оно действует так, словно его уже нет. Вопрос о достоверности знания Маркс задаётся куда более сложным образом, нежели простое сличение видимого и мыслимого; не случайно история его мысли движется от вопросов, связанных с самосознанием субъекта (в ранних работах), к вопросам экономического знания (в "Капитале"), в равной мере связанного с такими идеальными, но действительными процессами, как труд, прибавочная стоимость и капитал, и задействующими желание субъекта. Равно и бессознательное не подлежит верификации, а всякое знание о нём конструктивно, сделано, притом, топорно до такой степени, что не выдерживает никакой критики, да и не нуждается в ней. Не выдерживает вовсе не в силу своих теоретических огрех, сколько потому, что бессознательное является не более чем прорехой в символическом порядке, рехнутостью самого субъекта, его выпадением из тех или иных систем властвования и подчинения, что и делает его субъектом поиска, субъектом желания и субъектом нехватки. Ведь

⁸ McGowan T. *From Imaginary Enjoyment to Its Real Counterpart* // McGowan T. *The End of Dissatisfaction? Jacques Lacan and the Emerging Society of Enjoyment*. N.Y.: SUNY Press, 2004. – P. 192;

поиск знания связан с символизацией утраты, коль скоро знание – это всегда нечто забытое, не отчуждённое от субъекта, но лежащее в преддверии его истории, незабвенный фантазм, всегда понуждающий субъекта избрать привычное и двигаться вспять, а значит, постоянно нуждающееся в реконструкции. Поэтому быть субъектом истории значит воссоздать самого себя в горизонте своей смертности, своего ничтожества, рассказать историю, собранную в точке её окончания, то есть вернуть себе свою утрату и одновременно утратив при этом самого себя.

Пролетарий – это отброс, субъект ничтожный, вычеркнутый, разжалованный, греховный, слагаемый и слагающийся, не представляющий ни ценности, ни целостности. Утраченный как для современности, так и для рода человеческого, это субъект становления, подросток, именно поэтому история делает на него свою ставку, поскольку только для него нехватка бытия наиболее мучительна, неизживна и навязчива. Поэтому только раб исполнен работы по символизации собственной утраты, отчуждения рода человеческого, актуального лишь для него одного, а следовательно, и труда по производству знания, поскольку всякий раз он имеет дело лишь с призраками, представлениями, конструкциями. Только раб может осознавать свою конечность, а значит, может сделать смерть своим жребием, *осмертвить* самого себя, вписать пустоту утраты в сердцевину собственной реальности, вокруг которой и разворачивается субъективация – система производства скорби. Ведь знание исходит из незнания, оно всегда вращается вокруг пустого места, в удивлении раскрытого рта, бездны утраты, и, следовательно, нацелено на сшивание холста реальности, восполнение, инсталлирование или протезирование объективного мира. Иными словами, знание всегда вращается вокруг сексуальной цели, на чём настаивал Платон, цели, которая не может быть достигнута, тем не менее, вызывает к прокладыванию всё новых и новых путей к ней, новых способов недоступности, новых муляжей, миров и сущностей. И только раб, эта падаль, полная дыр и нехваток, протезов и заменителей, смонтированная из символов и неврозоз, способна осуществить ту встречу желания с реальностью, которая по мысли Фуко, и обладает реальной революционной силой.

На стороне раба оказывается не знание, конечно, а возможность встречи с ним, та расстановка сил, напряжений, ценностей и средств их производства, та (не)вероятность, тот скачок в небытие, с которым связан переход к новому принципу реальности. Событие истории представляет собой не просто переход от одной формы производства к другой, к смене социально-экономических формаций, а настаивает на де-формации, разбиении, размирщении реальности, то есть оно связано с обретением новой телесности, новой чувственности, иного ощущения границ и распределения энергии, равно как переход от оральной фазы к анальной – хотя и представляет собой последовательность, но отнюдь не вписывается в программу развития человека (как говорит об этом психология) – переход этот не предзадан и требует от самого субъекта ряда свершений, реконструкции собственного тела и демонтаж объектов, социально-экономическую деформацию, который Маркс называет социальной революцией.

Целью пролетария является встреча с невозможным, поскольку в фокусе его желания находится не просто продление истории, а её уничтожение, поскольку современный её модус предельно невыносим для него. Желание пролетария связано не столько с тем, чтобы реализовать те или иные заделы истории, продлить зачатые ею интенции, продолжить после запятой, сколько с тем, чтобы встретить конец ис-

тории, собрать её в точке возникновения смысла, на что указывает Кожев, то есть желание знать, вписанное во влечение к смерти. Пролетарий делает ставку на невозможное и "толкает себя к своей гибели, но только путём независимого от неё, бессознательного, против её воли происходящего и природой самого дела обусловленного развития"⁹, – говорит Маркс. Пролетарий должен сделать нечто настолько же невозможное, как и собственная смерть, что, однако, не связано с актом самоубийства, но представляет собой выбор между свободой или смертью, где только предпочтя последнее можно рассчитывать на появление смысла, а значит и на обретение свободы.¹⁰ Поэтому пролетарий из всех исторических вариантов выбирает самый невероятный, самый рискованный, тот, что связан с исчезновением, самоаннигиляцией, поскольку самой его целью является приближением к окраине человеческого бытия, обрезу людской плоти, за которым царапается та постоянная сила, которую Лакан называл реальным. Тезис Маркса состоит в том, чтобы не объяснять это реальное, а прикасаться к нему таким образом, чтобы оно вперилось в самую мягкость плоти и расклеило бы калейдоскоп человеческого тела, сокрушило бы сексуально-экономический базис субъективности, психическую структуру и её производительные силы и производственные отношения, и создало бы новую завязь, семя, глаз, из которого развернулась бы иная реальность. Постольку, поскольку реальность является для нас чем-то невозможным.

Это-то специфическое знание, которое нельзя выучить, но необходимо практиковать, со всей остротой ставит вопрос об обучении. "Знание реальности", которое Маркс называл "социальным инстинктом", требует не просто обмена конвенциональными формулами или передачи информации от знающего к ищущему обретения смысла, скорее напротив, познание предполагает уход смысла, разрушение конвенций и самого порядка вещей, слов и действий, поэтому целью пролетариата является не захват власти, а, напротив, уничтожение власти как способа символического обмена, подрыв всякой экономики, сексуальности, структуры, власти и смысла, ведь знание внеположено власти. Ровно и для Нанси "своеобразие психоанализа – которое придаёт ему его разрушительную силу и эпохальный размах – состоит в том, что он открыл тот стиль мысли, который принципиально порывает со всяким смыслом, который не просто располагает смысл по ту сторону истины или вне строгих понятий (как предполагали во времена Зигмунда Фрейда), но который принципиально отказывается от смысла, постоянно взыскуя и требуя его и разоблачая истину как не отвечающую этому требованию".¹¹

Познание вызывает к некому отчаянному и рискованному свершению, радикальному выбору между знанием и жизнью¹², которое абсолютно не допустимо в университетском пространстве, но которого вполне стоит ждать от раба, которому

⁹ Маркс К. *Святое семейство, или критика "Критической критики"* // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. III. М.-Л., 1930. С. 55;

¹⁰ Лакан Ж. *Семинары. Книга XI: Четыре основные понятия психоанализа (1964)*. М.: Гнозис/Логос, 2004. – С. 227;

¹¹ Nancy J.-L. *Le sens du monde*. Paris: Éditions Galilée, 1993, P. 77;

¹² Поэтому Анна Корнблю называет самым марксистским фильмом "Матрицу", где "выбор между знанием и незнанием непосредственно конституирует ту социальную реальность, в которой субъект обнаруживает себя". Kornbluh A. *Romancing the Capital: Choice, Love, and Contradiction in The Family Man and Memento* // Lacan and Contemporary Film. N.Y.: Other Press, 2004. P. 114;

нечего терять, кроме своих цепей. Свершение не обязательно связанное с протестом (который ещё больше удостоверил бы власть тех, кому этот протест адресован), но радикальное по своему характеру, некое революционное Fort, которое уничтожило бы весь имеющийся резервный запас смысла, обнулило бы реальность до самых аутистичных её пределов, до самих вещей, вывело бы субъекта прочь из самого себя. Заставить субъекта исчезнуть – вот какую цель преследует всякое знание – сообщить ему неожиданную для него конечность, рассеять центростремительную силу собственного Я в некоем диффузном поле, в котором могло бы сгуститься некое Да, которое станет отсутствующим центром нового мира и нового психопорядка.

Новосибирск – Санкт-Петербург – Париж
июль – октябрь 2007

I would like to gratefully acknowledge the support of Dr. Todd McGowan, and thank Dr. Jeffrey S. Librett and Dr. Bernard Vandermersch for assistance with literature.

REFERENCES

1. Лакан Ж. Семинары. Книга V: Образования бессознательного (1957/58). М.: Гнозис / Логос, 2002;
2. Лакан Ж. Семинары. Книга XI: Четыре основные понятия психоанализа (1964). М.: Гнозис/Логос, 2004;
3. Маркс К. Святое семейство, или критика "Критическая критики" // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. III. М.-Л., 1930;
4. Ольшанский Д.А. Конец истории – начало человека: о влиянии стратегий Маркса на современную философию // журнал "Vita Cogitans" (СПбГУ). Выпуск 4, 2004;
5. Jameson F. Imaginary and Symbolic in Lacan: Marxism, Psychoanalytic Criticism, and the Problem of the Subject // Yale French studies. New Haven, 1977. No 55/56;
6. Kornbluh A. Romancing the Capital: Choice, Love, and Contradiction in The Family Man and Memento // Lacan and Contemporary Film. N.Y.: Other Press, 2004;
7. Lacan J. Le Séminaire, Livre XIV: La logique du fantasme (1966-1967). Paris: A.L.I., 2007;
8. McGowan T. The End of Dissatisfaction? Jacques Lacan and the Emerging Society of Enjoyment. N.Y.: SUNY Press, 2004;
9. Nancy J.-L. Le sens du monde. Paris: Éditions Galilée, 1993;
10. Ricard H. De la plus-value au plus-de-jouir // Livre compagnon de L'envers de la psychanalyse. Séminaire 1969-1970 de Jacques Lacan. Paris: A.L.I., 2007;

RAĐANJE ZNANJA IZ DUHA ROPSTVA

Dmitrij Oljšanski

Marks nam je pokazao imaginarni karakter svake dijalektike, pa je zahvaljujući razdijalektizaciji njihovih odnosa omogućen istorijski progres. "Poznavanje realnosti", kako govori Kožev, na strani je roba i izvodi ga iz binarnosti vladanja i potčinjenosti, dozvoljavajući mu da zauzme mesto izvan svake ideologije i dijalektike, i učini nemoguć izbor. Upravo ta sila koja je vukla roba ka nemogućem, nepoznatom omogućava robu da razruši društvenu ideološku homeostazu. Borba sa otuđenjem – je borba sa legalizovanim automatizmom ponavljanja, poretkom proizvodnje i njegovom pameti, borba koja investira funkciju. Drugi objekat, koji je, po rečima analitičara, vraćen, bio je ranije izgubljen i zaboravljen (objekat obogaljen samim gubitkom) unutar duševnoga sveta čoveka. Želje robova funkcionišu istovremeno u dve ravni: simboličkoj i imaginarnoj: s jedne strane, on je utkan u strukturu socijalnoga sveta, ali istovremeno, rob uvek iskače iz socijalnog ritma, ne uklapa se u njegovu logiku pro et contra, odričući se istovremeno svake mogućnosti da bude levi ili desni, "za" ili "protiv", rob nije samo van partijskih tokova, nego i van političke racionalnosti uopšte. Cilj, koji premašuje svako znanje – je raslojavanje subjekta, izjava za roba neočekivana zbog svesti o konačnosti, pomeranje centripetalne sile sopstvenog JA u neko difuzno polje, u kome bi mogao da se uspostavi neki novi psihološki poredak.

Ključne reči: znanje, želja, imaginarno, Lakan, Frojd, Marks